

И. Мюленбахъ.

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ

РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ВМѢСТО ВИНИТЕЛЬНОГО

ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русск. языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. IV (1899 г.), кн. 4, стран. 1192 — 1217.

Объ употребленіи родительнаго падежа вмѣсто винительнаго въ славянскихъ языкахъ.

Во всѣхъ славянскихъ языкахъ встрѣчается странное, до сихъ поръ еще удовлетворительно не выясненное явленіе, состоящее въ томъ, что винительный падежъ въ именахъ одушевленныхъ мужескаго рода замѣняется родительнымъ. Однако это употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго не одинаково распространено во всѣхъ славянскихъ языкахъ.

Въ древнеславянскомъ языкѣ винительный падежъ тѣхъ существительныхъ мужескаго рода, которыя означаютъ существа одушевленные, замѣняется родительнымъ только въ единственномъ числѣ, и то не всегда; ибо въ древнихъ текстахъ и изданіяхъ сохранилось довольно много примѣровъ, въ которыхъ является старый винительный: *посла рзеъ свой, породитъ тебѣ сынъ; приведохъ сынъ мой къ тебѣ нмоуцъ доухъ нымъ* Марк. 9, 17. Смотр. I. Добровскаго Грамматику славянскаго языка по древнему нарѣчію, перев. съ лат. С. Шевыревымъ, II, 5, Миклошича *Vergleichende Syntax der slav. Spr.* IV, 370, Дельбрюка *Vergleichende Syntax der indogerm. Spr.* I, 319. Про послѣдній примѣръ говоритъ Добровскій, II, 5: «Мардарій въ своемъ изданіи (1552) сохранилъ винительный: *приведохъ сынъ мой къ тебѣ нмоуцъ доухъ нымъ*; въ Острожскомъ (1580) сына

моего нмоуца, но винительный доухъ нмъ удержанъ; въ Киевскомъ же изданіи (1732 г.) находится доуха нма, какъ и во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ Библии». Видно, что, чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ больше сохранялся винительный, а чѣмъ новѣе памятникъ, тѣмъ чаще винительный падежъ вытѣсняется родительнымъ.

Какъ въ древнеславянскомъ языкѣ, такъ и въ новословенскомъ, сербскомъ и чешскомъ родительный заступаетъ мѣсто винительнаго въ именахъ одушевленныхъ предметовъ мужескаго рода только въ единственномъ числѣ, а въ остальныхъ славянскихъ и въ множественномъ числѣ, причемъ надо замѣтить, что (за исключеніемъ русскаго языка) всѣ эти остальные славянскіе языки (малорусскій, польскій, верхнелужицкій и нижнелужицкій) употребляютъ въ именахъ существительныхъ мужескаго рода, означающихъ лица, родительный вмѣсто винительнаго и въ единственномъ и во множественномъ числѣ, а въ существительныхъ мужескаго рода, означающихъ другія живыя существа, только въ единственномъ числѣ, напр. въ польскомъ языкѣ: *króla regis, regem, królów regum, reges*, а така *sancti, sanctum* лишь въ единственномъ числѣ.

Больше всего развился родительный падежъ на счетъ винительнаго въ русскомъ языкѣ; ибо въ русскомъ языкѣ родительный заступаетъ мѣсто винительнаго и въ единственномъ и во множественномъ числѣ не только въ существительныхъ мужескаго рода, которыя означаютъ лица, но и въ существительныхъ, которыя означаютъ другія живыя существа, напр. мальчика, мальчиковъ, волка, волковъ (род. и вин.). Кромѣ того въ русскомъ языкѣ родительный множественнаго числа замѣняетъ винительный въ именахъ одушевленныхъ предметовъ женскаго и средняго рода, напр. женщинъ, дѣтей род. и вин. пад., и иногда даже въ единственномъ числѣ средняго рода: чада (смотрите Сравнительную морфологию слав. яз. Фр. Миклошича, перев. подъ редакц. Брандта ст. 396), какъ и въ малорусскомъ языкѣ: *пита́й свого д'ітятка* (342).

Какъ въ древнеславянскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. въ чешскомъ и польскомъ, встрѣчается винительный въ именахъ одушевленныхъ предметовъ тѣмъ чаще, чѣмъ древнѣе памятники. Миклошичъ Vergleich. Syntax 370. Что касается русскаго языка, то я приведу то, что говоритъ Буслаевъ (Историческая грамматика, изд. 3-ье, стр. 192): «Въ старинномъ и народномъ языкѣ имена одушевленныхъ предметовъ весьма часто встрѣчаются въ винит. падежѣ съ окончаніемъ именительнаго, какъ въ единственномъ числѣ, такъ и особенно во множественномъ числѣ. Напр. въ Ипат. сп. (лѣтоп.): «дары ему дастъ великыя и конь свой борзый сивый» 161; въ Словѣ о полк. Игор. «Игорь къ Дону *вои* ведеть»; въ пѣсн. XVII в. «*мои малыи дѣти* побити»; въ послов. XVII в. «*бѣлки* ловить—ножки отбить», «бываль онъ коткомъ, да лавливалъ и *мышки*»; въ Др. Рус. Ст. «на *гуси* и *лебеди*». У писателей XVIII в., напр. «укралъ *быка* и *дѣв козы*» Кур. изъ Ад. 37. У писателей образцовыхъ въ высококомъ слогѣ у Держ. «сыны сыновъ своихъ увидить» 1, 39». Весьма интересны также примѣры, которые приводитъ изъ сказокъ Афанасьева Брандтъ (Сравн. морфол. Фр. Миклошича, стр. 397): пошлю на тя *волки*; пошлю на васъ *медведь*; люди нейдуть *медведь* стрѣлять; люди пошли *медведь* стрѣлять.

Такого рода выраженія, какъ русское «выйти за *мужъ*, выдать за *мужъ*,» извѣстны и малорусскому, новословенскому, чешскому, польскому языкамъ. Въ русскомъ языкѣ особенно часто сохраняется винительный послѣ предлога въ; напр. произвести въ офицеры, записаться въ мастеровые, ѣхать въ гости, отдать въ солдаты. (Буслаевъ, Ист. гр., стр. 192). Въ такихъ примѣрахъ безъ сомнѣнія древній винительный сохранился, благодаря предлогамъ за, въ.

Основываясь главнымъ образомъ на сравнительной фонетикѣ и синтаксисѣ славянскихъ языковъ Фр. Миклошича, я представилъ вкратцѣ столько данныхъ по нашему вопросу, сколько мнѣ казалось необходимымъ, чтобы вывести заключеніе

относительно замѣны винительнаго родительнымъ въ славянскомъ праязыкѣ. На основаніи сообщенныхъ данныхъ мы можемъ съ увѣренностью утверждать во-первыхъ, что въ славянскомъ праязыкѣ употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго не было распространено на множественное число. Къ этому заключенію приводятъ насъ древнеславянскій, новословенскій, сербскій и чешскій языки, въ которыхъ употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго ограничивается единственнымъ числомъ; а такое ограниченіе было бы непонятно, если бы его не было уже въ славянскомъ праязыкѣ. Во-вторыхъ мы можемъ утверждать, что употребленіе родительнаго ед. числа вмѣсто винительнаго въ славянскомъ праязыкѣ не было необходимо, иначе нельзя было бы никоимъ образомъ объяснить остатки древняго винительнаго въ славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ занимающая насъ конструкція въ именахъ одушевленныхъ предметовъ въ славянскомъ языкѣ могла быть только въ зародышѣ.

Относительно мѣстоименій вообще слѣдуетъ замѣтить, что винительный въ древнеславянскомъ языкѣ чрезвычайно часто сохранялся, какъ во множественномъ, такъ въ особенности въ единственномъ числѣ. Что же касается въ частности личныхъ мѣстоименій перваго и втораго лица и мѣстоименія возвратнаго, то форма родительнаго единственнаго числа часто служила и винительнымъ, о чемъ свидѣлствуютъ единогласно всѣ славянскіе языки. Ибо во всѣхъ славянскихъ языкахъ форма родительнаго этихъ мѣстоименій исполняетъ функцію винительнаго, въ случаѣ особой выразительности. Такъ ставится подъ логическимъ удареніемъ въ древнеславянскомъ языкѣ род. мене, тебе, себе вмѣсто вин. ма, та, са, въ новославянскомъ род. méne, tébe, sébe вмѣсто вин. me, te, se, въ сербскомъ род. мѣне, тѣбе, сѣбе вмѣсто вин. me, te, se, въ малорусскомъ род. менѣ, тебѣ, себѣ вмѣсто вин. мя, тя, ся, въ чешскомъ род. mne, tebe, sebe вмѣсто вин. mě, tě, se, въ польскомъ род. mnie, siebie, siebie вмѣсто вин. mię, cię, się, въ верхнелужицкомъ род. mńe, teb'e, seb'e

вмѣсто вин. *me, se, so*, нижнелужицкомъ род. *mno, teb'o*, вмѣсто *mě, šě*.—Въ вопросительномъ мѣстоименіи **кто** издревле является винительнымъ родительный **кого**.

Само собою разумѣется, что такая странная конструкція, какъ родительный вмѣсто винительнаго въ именахъ одушевленныхъ предметовъ, уже давно обратила на себя вниманіе языковѣдовъ.

Въ славянскихъ языкахъ винительный единственнаго числа совпалъ съ именительнымъ, отчасти на основаніи звуковыхъ законовъ, именно въ существительныхъ съ основами на *ы* и *ь*, отчасти по другимъ причинамъ. Смотрите статью Козловскаго въ Arch. für. slav. Phil. X, 657, Leskien, Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen стр. 4, Brugmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik II, 532. На этомъ формальномъ сходствѣ именительнаго и винительнаго основывается попытка Добровскаго, объяснить интересующее насъ явленіе языка. Добровскій (III, 39) пишетъ (въ перев. Шевырева): «Въ единственномъ числѣ употребленіе родительнаго въ существительныхъ мужескаго рода, поелику ихъ винительный падежъ не отличается отъ именительнаго, ввелось во всѣ нарѣчія такъ, что родительный падежъ въ синтаксисѣ справедливо почитается на мѣстникѣ падежа винительнаго: **моужа тиха любить господь** Притч. 22, 9. Если поставить *ь* въ этомъ мѣстѣ **моужь тихь**, то выдетъ двусмысліе и неизвѣстно будетъ, кто любитъ и кто любимъ. Но во множественномъ винительные падежи отличаются окончаніемъ отъ именительнаго, и потому вовсе не прилично на языкѣ славянскомъ замѣнять въ этомъ числѣ винительные родительными, хотя это и угодно русскимъ такъ, что въ самихъ примѣрахъ склоненій они не признаютъ иныхъ винительныхъ множественнаго числа какъ родительные».

Почти такъ-же обсуждаетъ нашъ вопросъ Лескинъ (Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen, стр. 62): «Каковы бы ни были причины, содѣйствовавшія замѣнѣ винительнаго родительнымъ какъ разъ у именъ мужескаго рода,

означающихъ одушевленные существа, во всякомъ случаѣ за одну изъ главныхъ надо будетъ считать ту, что при свободѣ словорасположенія въ славянскихъ языкахъ, чувствовалась въ этой категоріи именъ больше всего потребность отличать падежъ дополненія отъ падежа подлежащаго, которые, какъ извѣстно, по звукамъ совпали».

Съ предыдущими объясненіями сходно и объясненіе Миклошича (*Vergleichende Syntax der slav. Spr.* IV, 496): «Кто склоненъ объяснять это явленіе, несвойственное родственнымъ языкамъ, исходя отъ родительнаго раздѣлительнаго, тотъ пусть вспомнить, что этотъ родительный лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, конечно, можетъ быть употребляемъ какъ разъ въ именахъ существительныхъ, означающихъ нѣчто живое, и что этотъ родительный сочиняется также съ предлогами. Скорѣе можно было бы указать на то, что потребность имѣть винительный падежъ, формально отличающійся отъ именительнаго, повела къ употребленію родительнаго—обстоятельство, благодаря которому винительный въ нѣкоторыхъ романскихъ языкахъ выражается при помощи предлоговъ. Если кромѣ того принять во вниманіе также и то, что прежде родительный раздѣлительный употреблялся очень часто, то, мнѣ кажется, будутъ разсмотрѣны всѣ обстоятельства, по которымъ этотъ способъ выраженія, встрѣчающійся чаще всего въ чужихъ именахъ собственныхъ и въ такихъ именахъ существительныхъ, которыя служатъ приложеніями къ именамъ живыхъ существъ, становится менѣ загадочнымъ».

Несмотря на предостереженіе Миклошича Дельбрюкъ (*Vergleichende Syntax* I, 320) все-таки исходитъ при объясненіи этого родительнаго изъ родительнаго раздѣлительнаго. Онъ пишетъ такъ: «Я не сомнѣваюсь, что этотъ родительный въ сущности—родительный раздѣлительный и представляю себѣ дѣло такъ: Въ винительномъ падежѣ ставится существительное, если должно быть выражено полнѣйшее подчиненіе глаголу. Родительный по отношенію къ такому винительному показываетъ

ясно чувствовавшуюся противоположность. Такимъ образомъ въ родительномъ ставятся названія такихъ существъ, которыя меньше всего допускаютъ такое подчиненіе, такъ сказать самыя личныя, т. е. названія лицъ мужскаго пола. То обстоятельство, что первоначально лишь единственное число получило эту конструкцію, объясняется по всей вѣроятности тѣмъ, что она употреблялась главнымъ образомъ въ именахъ собственныхъ. Для чутья языка, впрочемъ, этотъ родительный очевидно уже рано представлялся только другою формою винительнаго, какъ это явствуетъ изъ того, что тотъ же родительный падежъ употреблялся послѣ предлоговъ». Это объясненіе Дельбрюка называется неудовлетворительнымъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Если занимающее насъ употребленіе родительнаго падежа въ самомъ дѣлѣ основывается на томъ, что дѣйствіе, обозначаемое глаголомъ, представляется какъ такое, которое не въ состояніи вполне обнять лица мужскаго пола и лишь касается такихъ лицъ, то переходные глаголы должны были бы сочиняться съ родительнымъ названій мужскихъ лицъ и въ томъ случаѣ, если эти названія оканчиваются въ именительномъ падежѣ на *a*, *y*; отъ *слуа* напр. мы должны были бы ожидать винительнаго падежа *слухи*. Но этому необходимому заключенію не соответствуютъ факты языка: *видѣ дѣва брата* (вин. двойств.) *симона ирнциемалго петра* (род.) и *андрѣж* (вин. отъ именит. *андрѣа*) брата (род.) *юго Матѣ*. 4, 18. Какъ объясняетъ Дельбрюкъ такіе винительные, какъ *андрѣж*? Онъ прибѣгаетъ (319 стр.) къ предположенію, будто имена мужскаго рода, имѣющія окончанія, свойственныя женскому роду, причисляются къ именамъ женскаго рода. Но кто причисляетъ такія имена, какъ *андрѣа*, къ женскому роду? Если употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго въ именахъ одушевленныхъ существъ мужскаго пола вытекаетъ изъ значенія родительнаго, то окончаніе именительнаго здѣсь, какъ и при согласованіи, рѣшительно не причемъ. Развѣ *андрѣа* потому, что у имени *андрѣа* окончаніе *a*, подчиняется дѣйствію глагола меньше, чѣмъ имя *петръ*, которое

оканчивается на *ъ*. 2) Будь предположеніе Дельбрюка вѣрно, то скорѣе мы ожидали бы родительнаго вмѣсто винительнаго во множественномъ, чѣмъ въ единственномъ числѣ, ибо дѣйствіе, обозначаемое глаголомъ, можетъ вполне преодолѣть одно лицо гораздо легче, чѣмъ многія. А исторія языка показываетъ намъ, какъ уже замѣчено, что родительный первоначально является замѣстителемъ винительнаго въ единственномъ, а не во множественномъ числѣ. Это противорѣчіе Дельбрюкъ не можетъ устранить указаніемъ на то, что винительный замѣнялся родительнымъ главнымъ образомъ въ именахъ собственныхъ. Почему именно въ именахъ собственныхъ? Развѣ дѣйствіе глагола подчиняетъ себѣ *Петра* меньше, чѣмъ челоуѣка, имени котораго мы не называемъ? 3) Противъ объясненія Дельбрюка говоритъ латышскій языкъ. Въ этомъ языкѣ (правда, не вездѣ, но только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ Тальсенскомъ уѣздѣ, въ Кандавской волости) переходные глаголы сочиняются не съ винительнымъ, а съ родительнымъ названій женскихъ лицъ и мѣстоименія третьяго лица въ женскомъ родѣ: *wiņas, tās*; напр. *es satiku wiņu* (вин.), я встрѣтилъ его, но: *es satiku wiņ(a)s* (род.), я встрѣтилъ ее (собств. ея), *es satiku Marij(a)s*, *Ann(a)s* (род.), я встрѣтилъ Марью (собств. Марья), Анну (собств. Анна). Если мы примѣнимъ и къ русскому и къ латышскому языку ученіе Дельбрюка о неподчиняемости предмета дѣйствию, то по необходимости придемъ къ нелѣпому заключенію, будто латышскія женщины и русскіе мужчины непреодолимы дѣйствиемъ, а латышскіе мужчины и русскія женщины вполне подчиняются дѣйствию. На основаніи всего сказаннаго никакъ нельзя признать толкованіе Дельбрюка удачнымъ.

Гораздо важнѣе, намъ кажется, указаніе Миклошича на то, что въ славянскихъ языкахъ родительный раздѣлительный чрезвычайно развитъ. Вслѣдствіе этого развитія родительный и винительный славянскихъ языковъ соприкасаются въ своихъ отправленияхъ больше, чѣмъ въ другихъ родственныхъ языкахъ, и поэтому замѣна винительнаго родительнымъ могла легче со-

вершиться, если къ такой замѣнѣ побуждали особыя обстоятельства. Важно также и указаніе Добровскаго, Лескина и Миклошича на формальное сходство именительнаго и винительнаго въ именахъ мужскаго рода. Что это сходство въ самомъ дѣлѣ не безъ вліянія на способъ выраженія, ясно доказываютъ имена существительныя мужскаго рода, оканчивающіяся на а и я, которыя не замѣняютъ винительныхъ родительными; это доказываетъ также и русскій языкъ своими именами одушевленныхъ предметовъ женскаго рода, сочиняя въ единственномъ числѣ переходные глаголы съ винительнымъ этихъ именъ, отличающимся формою отъ именительнаго, и замѣняя его во множественномъ числѣ родительнымъ вслѣдствіе звукового совпаденія именительнаго и винительнаго, напр. женщину, женщинъ.

Однакожъ сходствомъ именительнаго и винительнаго и развитіемъ родительнаго раздѣлительнаго едва ли удовлетворительно выясненъ нашъ вопросъ; ибо и въ другихъ родственныхъ языкахъ также иногда совпадаетъ именительный съ винительнымъ, напр. въ нѣмецкомъ языкѣ въ именахъ женскаго рода: *die Mutter*—им. и вин., а все-таки въ нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ никакой замѣны винительнаго родительнымъ или другимъ падежомъ.

Сходствомъ формъ и развитіемъ родительнаго раздѣлительнаго въ славянскихъ языкахъ, мнѣ кажется, приготовлена только почва, на которой ничтожнѣйшее сѣмя могло породить разсматриваемую нами конструкцію. Но что это за сѣмя? Прежде чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе на выше упомянутую конструкцію латышскаго языка. Можетъ быть, она прольетъ нѣкоторый свѣтъ на нашъ вопросъ.

Почему въ латышскомъ языкѣ родительный именъ женскихъ лицъ заступаетъ мѣсто винительнаго, это довольно ясно. Въ латышскомъ языкѣ по звуковымъ законамъ совпалъ винительный мѣстоименія третьяго лица мужскаго рода съ винительнымъ женскаго рода: *wīņu*—его и ее. Такимъ образомъ *es satīku wīņu* значить: я встрѣтилъ его и я встрѣтилъ ее. Отъ этого неудоб-

ства латышскій языкъ Тальсенскаго уѣзда освободился, выбирая въ женскомъ родѣ вмѣсто винительнаго родительный *wīn(a)s: es satiku wīn(a)s*, я встрѣтилъ ее (собств. ея). Но вѣдь такая замѣна падежей неслыханный произволь языка. Этотъ произволь однакожь не покажется намъ столь великимъ, если мы вспомнимъ, что и въ латышскомъ языкѣ родительный раздѣлительный чрезвычайно развитъ, вслѣдствіе чего границы родительнаго и винительнаго падежей до нѣкоторой степени стерты; вспомнимъ также, что нѣкоторые глаголы въ латышскомъ языкѣ, напр. глаголы желанія: *tīkot*, жаждасть, *gribet*, хотѣть, *gaidit*, ждатель, *meklet*, искать и др. сочиняются и съ винительнымъ и съ родительнымъ и что переходные глаголы съ отрицаніемъ управляютъ и винительнымъ и родительнымъ. Въ такихъ случаяхъ колебанія между родительнымъ и винительнымъ ничего не было естественнѣе для языка, какъ изъ двухъ возможныхъ падежей выбрать для устранения недоразумѣнія болѣе удобный, т. е. родительный. Поэтому безъ сомнѣнія сперва послѣ глаголовъ желанія и послѣ глаголовъ съ отрицаніемъ укоренилось исключительное употребленіе одного родительнаго мѣстоименія третьяго лица женскаго рода: *es gribu, mekleju, gaidu wīn(a)s*, я хочу, ищу, жду ея, *es nesatiku wīn(a)s*, я не встрѣтилъ ея. Мало-по-малу языкъ, побуждаемый удобствомъ, началъ сочинять всѣ переходные глаголы съ родительнымъ мѣстоименія третьяго лица. Въ силу аналогіи это употребленіе родительнаго перенесено на имена женскихъ лицъ: по аналогіи *es satiku wīn(a)s*, я встрѣтилъ ее (собств. ея) начали говорить: *es satiku Marij(a)s*, *Ann(a)s*, *māt(e)s*, я встрѣтилъ Марью, Анну, мать (собств. Марьи, Анны, матери), хотя при именахъ существительныхъ нечего было опасаться недоразумѣній. Во избѣжаніе недоразумѣнія латышскій языкъ Тальсенскаго уѣзда сочиняетъ также предлоги, требующіе винительнаго падежа, съ родительнымъ названій женскихъ лицъ: *paг wīn(u)* (вин.), о немъ, а *paг wīn(a)s* (род.), о ней, также *paг Mik(u)* (вин.), о Михаилѣ, а *paг Marij(a)s* (род.), о Марьѣ.

Необходима эта замѣна винительнаго родительнымъ только при мѣстоименіи третьяго лица; часто она встрѣчается при именахъ собственныхъ, рѣже при нарицательныхъ женскаго рода. Но надо замѣтить, что эта замѣна не свойственна множественному числу. Во множественномъ числѣ винительный падежъ мѣстоименія мужскаго рода *wińus* (ихъ) ясно отличается отъ винительнаго женскаго рода *wińas*; поэтому во множественномъ числѣ не было никакой причины замѣнять винительный родительнымъ.

Ясно, что говоръ латышскаго языка Тальсенскаго уѣзда сходится съ славянскими языками во-первыхъ въ томъ, что и въ латышскомъ и славянскихъ языкахъ винительный замѣняется родительнымъ при именахъ одушевленныхъ предметовъ, во-вторыхъ въ томъ, что колыбель этой замѣны единственное число, въ-третьихъ въ томъ, что эта замѣна является и послѣ предлоговъ, требующихъ винительнаго падежа; а расходятся эти языки лишь въ томъ, что въ славянскихъ языкахъ винительный замѣняется родительнымъ въ именахъ одушевленныхъ предметовъ мужскаго рода, а въ латышскомъ языкѣ въ именахъ одушевленныхъ предметовъ женскаго рода.

Сходство, мнѣ кажется, существуетъ и въ томъ, что какъ въ латышскомъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ исходный пунктъ замѣны винительнаго родительнымъ составляютъ мѣстоименія.

Сравнивая славянскіе языки, мы можемъ, какъ уже видѣли, съ увѣренностью предполагать, что уже въ славянскомъ праязыкѣ родительные личныхъ и возвратнаго мѣстоименій **мене*, **тебе*, **себе* употреблялись и какъ винительныя. При этомъ является страннымъ то, что эти родительные заступаютъ мѣсто винительныхъ въ случаѣ особой выразительности: не тебе оунижишиа, но мене оунижишиа 1 Царств. 8, 7. Выразительности обязано своимъ существованіемъ и то явленіе древнеславянскаго языка, по которому *себе* употребляется при возвратномъ способѣ выраженія (*себе* соотвѣтствуетъ греческому *ἑαυτόν*), а винительный *са* при страдательномъ и среднемъ залогѣ: помѣтаетъ себе,

ρίπτει ἑαυτὸν, а помѣтается, ῥίπτεται, дивити сѧ. Миклошичъ IV, 75, 76, 264.

Принимая во вниманіе, что въ мѣстоименіяхъ личныхъ и въ мѣстоименіи возвратномъ винительный падежъ ясно отличается по формѣ отъ именительнаго, мы не могли бы придумать никакой причины для замѣны винительнаго родительнымъ. Сверхъ того это явленіе языка въ высшей степени странно въ томъ отношеніи, что здѣсь родительный падежъ, выражающій по своей сущности, что дѣйствіе только касается предмета, не вопліѣ обнимая его, заключаетъ въ себѣ больше выразительности, чѣмъ винительный, обозначающій полнѣйшее подчиненіе предмета дѣйствию. Никто изъ языковѣдовъ не обращалъ на эту странность надлежащаго вниманія. Принимая мене, тебе, себе за родительные, мы никоимъ образомъ не можемъ понять и объяснить заключающейся въ этихъ формахъ выразительности. Слѣдовательно намъ остается только одно: признать ихъ настоящими винительными въ такихъ предложеніяхъ, какъ: не тебе оуниунжнша, но мене оуниунжнша; помѣтаетъ себе. Но могутъ-ли мене, тебе, себе по своей формѣ быть и винительными? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны вкратцѣ разсмотрѣть индоевропейскіе родительные и винительные личныхъ мѣстоименій.

Индоевропейскими винительными являются: 1) *mēm, *tūēm, *sēm: дринд. mām, tvām, дрпрусск. mien, tien, sien, sin, дрслав. ма, та, сѧ, 2) служатъ винительными простыя основы *eme, *te, *tce, *te, *sue, *se: греч. ἐμέ, μέ, крит. τφέ, іонич. σέ, дорич. τέ, фέ, ё, дрирск. me-sse (-sse усилительная частица), готск. mi-k, si-k, дрнѣм. mi-h, di-h, si-h (-k = греч. — γε въ ἐμέ-γε).

Родительными же этихъ мѣстоименій представляются *eme, *tece, *sece; кромѣ *eme издревле служило родительнымъ *mene, что доказываетъ авестск. mаnа, лит. mene, слав. мене. Индоевропейскіе родительные *tece, *sece сохранились въ дринд. tāva, авестійск. tava, въ лит. tavè, savè, въ слав. тебе, себе.

(Brugmann, Grundriss II, 811, 812, 823). Относительно литовских формъ надо предполагать слѣдующій путь развитія: *mene, tece, sece, откуда *mene, *toce, *soce, приравненіемъ гласной перваго слога въ *mene къ гласной перваго слога въ *tove, *sove: *mone, *tove, *sove, а изъ этихъ формъ произошли теперешнія manè, tavè, savè. (К. Ф. Иоганссонъ Bezz. Beitr. XVI, 165; Brugmann, Grundriss II, 823). Что же касается древнеславянскихъ родительныхъ мене, тебе, себе, то по звуковымъ законамъ въ славянскомъ праязыкѣ изъ индоевропейскихъ *mene, *tece, *sece должно было развиваться *mene, *toce, *soce; но вслѣдствіе приравненія гласной перваго слога въ *toce, *soce къ гласной перваго слога въ *mene и вслѣдствіе приравненія къ дательнымъ падежамъ тебѣ, себѣ возникли формы тебе, себе (Leskien, Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germ. ст. 143; Brugmann, Grundriss II, 823; Kuhn's Ztschr. XXVII, 397).

Торпъ (Beiträge zur Lehre von den geschlechtlosen Pronomen in den indogerm. Sprachen, по указанію Бругмана Grundriss II, 803, самое сочиненіе Торпа къ сожалѣнію мнѣ не было доступно) отождествляетъ *-це въ *tece, *sece съ основою дринд. vas, латинск. vās, а *-не въ *mene съ основою дринд. nas, латинск. nās. Также и К. Ф. Иоганссонъ (Bezz. Beitr. XV, 313, XVI, 163, Indogerm. Forsch. II, 7) предполагаетъ, что *tece, *sece состоятъ изъ *te, *se и -це, не объясняя подробнѣе, что такое *-це.

Подобно тому, какъ происхожденіе всѣхъ окончаній въ индоевропейскомъ праязыкѣ покрыто мракомъ, проникнуть въ который часто напрасно пытается человѣческій умъ, такъ и относительно *-це и *-не нельзя съ увѣренностью сказать, какое значеніе эти основы имѣли во время своей самостоятельности, своей самобытности. Однакожь толкованіе Торпа мнѣ кажется не лишеннымъ вѣроятности.

Что касается -не въ *me-ne, то къ тому же заключенію приходитъ и П. Перссонъ (Indogerm. Forsch. II, 227, 234). Въ

своемъ сочиненіи «Ueber den demonstrativen Pronominalstamm по=ne=und Verwandtes» этотъ ученый, подробно разсматривая указательную мѣстоименную основу по-не=, находитъ ее какъ во многихъ другихъ частицахъ индоевропейскихъ языковъ, такъ и въ родительныхъ авестійск. та-па, лит. та-пѣ, слав. ме-не; -не прибавляется какъ частица ко многимъ словамъ индоевропейскихъ языковъ для усиленія значенія, напр. латинск. ego-не, tu-не, tibi-не (217). Изъ частицъ легко развиваются суффиксы; поэтому нечего удивляться, что -не встрѣчается и въ качествѣ суффикса. Какъ суффиксъ -не обозначаетъ 1) творительный падежъ, напр. дринд. tē-па, 2) мѣстный, напр. лит. tē-п (-п болѣе короткая форма указательной основы не- стр. 235), 3) родительный, напр. ме-не. По мнѣнію П. Персона значеніе родительнаго вѣроятно развивалось изъ значенія мѣстнаго. Въ сущности мнѣніе Торпа согласуется съ мнѣніемъ П. Персона, отличаясь лишь въ томъ, что по Торпу форма *me-не сложена изъ двухъ основъ, изъ *me и *ne, между тѣмъ какъ по П. Персону *-не составляетъ не частицу, а уже суффиксъ. Но въ виду того, что частицы и суффиксы часто соприкасаются такъ, что нерѣдко трудно сказать, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ частицею или съ суффиксомъ, и принимая во вниманіе еще то, что Персонъ (241) отождествляетъ мѣстоименіе перваго лица: дринд. nas, греч. νό, латинск. nōs съ указательною мѣстоименною основою nō-нѣ-, предполагая, что первое значеніе вѣроятно происходило изъ послѣдняго, мы должны признать, что нѣтъ никакой существенной разницы между толкованіемъ Торпа и толкованіемъ Персона.

Такимъ образомъ *me, *te, *se оказываются простыми основами, *me-не, *te-не, *se-не сложеными изъ этихъ простыхъ основъ и *-не, *-не, а *те, *се произошли изъ *te-не, *se-не вслѣдствіе ослабленія гласной (Югансонъ, Beitr. XV, 313, XVI, 163).

Простыя основы *me, *te, *se имѣли, какъ уже указано, функцію винительнаго падежа, напр. греч. μέ. Но родительный

древнеиндійскаго языка *māma* произошелъ по всей вѣроятности отъ основы *ma* = индоевроп. **me* съ удвоеніемъ, такъ что надо предполагать и индоевропейскій родительный **me* (Brugmann Grundriss II, 823). Сравните, впрочемъ, мнѣніе Вакернагеля о *māma* (Kuhn's Zeitschr. XVIII, 138).

Что касается **eme*, **te*, **se*, то мнѣ весьма вѣроятнымъ кажется предположеніе Торпа (Brugmann Griech. Gramm. стр. 133), что эти основы первоначально имѣли функцію родительнаго и винительнаго и что въ первой функціи онѣ приняли въ греческомъ языкѣ окончаніе родительнаго -*σιο*, чтобы формою отличать родительный отъ винительнаго: *ἐμεῖο*, *ἐμέο*, *ἐμοῦ*, *σεῖο*, *σέο*, *σοῦ*, *εἶο*, *έο*, *οῦ* изъ **εμε-σιο*, **τε-σιο*, **σε-σιο*.

Наконецъ, спрашивается, употреблялись ли въ индоевропейскомъ языкѣ **me-ne*, **te-це*, **se-це* только какъ родительные, или такъ же какъ и винительные. Тожество греч. вин. *ἐέ* съ славянск. *секе*, лит. *savè*, изъ индоевр. **se-це*, указываетъ на то, что **se-це* имѣло функцію и винительнаго и родительнаго. Тоже самое мы должны предположить относительно **te-це*, по происхожденію близнеца формы **se-це*, а также и относительно **me-ne*. Это предположеніе подтверждается сравненіемъ славянскихъ родительно-винительныхъ *мене*, *тебе*, *себе* съ литовскими *manè*, *tavè*, *savè*. Въ литовскомъ языкѣ, правда, не въ книжномъ, но въ Годлевскомъ нарѣчій, въ Сувалкской губерніи, *manè*, *tavè*, *savè* употребляются, какъ слав. *мене*, *тебе*, *себе* съ значеніемъ и родительныхъ и винительныхъ (A. Leskien und K. Brugmann: Litauische Volkslieder und Märchen, стр. 202). И въ Ковенской губерніи встрѣчается по Куршату (Gramm. der lit. Spr. § 864) *manè* въ функціи винительнаго падежа; также и въ литовской грамматикѣ «Universitas linguarum Litvaniae», по указанію Розвадовскаго (Indogerm. Forsch. VII, 251), *manè*, *tavè*, *savè* отмѣчены винительными. Если сравнить Годлевскіе винительные *manè*, *tavè*, *savè* съ обще-обычными *manè*, *tavè*, *savè*, то старшинство безъ сомнѣнія слѣдуетъ признать за первыми; ибо послѣдніе возникли изъ первыхъ, приравнявшись къ имен-

ному склоненію (žólę) ¹⁾ (Leskien: Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germ. стр. 145). Въ латышскомъ языкѣ формы *man, tew, sew* имѣютъ кромѣ значенія дательнаго падежа (=лит. *mán, táv, sáv*) также функцію не только винительнаго, напр. *teic man* (вин.) *leeln dzērajīnu* (народн. пѣсня) — выдають меня за большого пьяницу, — но и родительнаго, такъ напр. послѣ предлоговъ, требующихъ родительнаго: по (отъ) *man*, по *tew*, по *sew*, *preekš man*, *preekš tew*, *preekš sew*. Въ функціи родительнаго и винительнаго лат. *man, tew, sew*, разумѣется, = лит. *manē, tavē, savē*, слав. *мене, тебе, себе*. — Съ балтійско-славянскимъ родительно-винительнымъ **me-ne*, можетъ быть, можно сравнить кипрскій винительный *mé-v, émé-v*. Въ такомъ случаѣ *mene: me-v* = дринд. *tē-na*: лит. *tē-n*. Сравните, впрочемъ, Brugmann: Griech. Gramm. стр. 132 и Grundriss, II, 811.

Принимая въ соображеніе все сказанное, я считаю вѣроятнымъ слѣдующее заключеніе: Въ индоевропейскомъ праязыкѣ простыя основы **me, *te, *se* имѣли функціи винительныхъ и родительныхъ. Подобно тому какъ и въ другихъ случаяхъ мѣстоименныя основы часто соединяются для усиленія значенія, такъ и въ данномъ случаѣ сложилась основа **me* съ основою **ne* и основы **te, *se* съ основою **ce*: **me-ne, *te-ce, *se-ce*. Эти сложные основы (а также съ ослабленіемъ гласной **tce, *sce*) удержали за собою функціи простыхъ основъ (сравн. греч. *έμέ, έμέ-γες*), т. е. функціи винительнаго и родительнаго: греч. вин. *έέ* = слав. род. вин. *себе*, лит. род. вин. *savē*. Греческая форма

1) Я позволю себѣ привести при этомъ любезно мнѣ сообщенное указаніе профессора Ф. О. Фортунатова: По поводу литовскихъ, именно среднелитовскихъ формъ вин. пад. ед. ч. (между прочимъ и въ книжномъ прусско-литовскомъ говорѣ), замѣчу, что ихъ пишутъ неправильно съ *ę* вмѣсто *e* въ концѣ (понятно по аналогіи окончанія вин. пад. ед. ч. въ другихъ словахъ, гдѣ конечная гласная дѣйствительно изъ носовой гласной). Въ самомъ языкѣ среднелитовскія *manē, tavē, savē* никогда не имѣли въ концѣ *ę*, такъ какъ иначе они представляли бы теперь въ окончаніи—*ē*, изъ *ę* подъ удареніемъ, а не *ě*, которое мы въ дѣйствительности находимъ въ нихъ всюду въ этомъ нарѣчій, хотя изъ другихъ литовскихъ нарѣчій намъ извѣстны образованія вин. пад. ед. ч. личныхъ мѣстоименій на гласную изъ старой носовой гласной (жемайтск. и діалектич. восточно-литовск.—*i*).

ѣе не сохранила функціи винительнаго падежа, потому что греческій языкъ, въ своемъ стремленіи отличить формою родительный отъ винительнаго, создалъ новые родительные съ окончаніемъ *-σιο*. Также и литовскій языкъ старался отличить родительный отъ винительнаго, прибавляя въ первомъ случаѣ окончаніе родительнаго *-s*: *manès, tavès, savès*¹⁾ въ Годлевскомъ нарѣчій. Авестійск. *мана* и авестійск. и дринд. *tava* вполне утратили значеніе винительнаго вслѣдствіе того, что въ этихъ языкахъ существуютъ другія формы винительнаго, между тѣмъ какъ нѣтъ другой формы родительнаго кромѣ названныхъ. Лучше всего сохранилось первоначальное состояніе языка въ литовскихъ и славянскихъ: лит. *manè, tavè, savè*, лат. *man, tew, sew*, слав. *мене, тебе, себе* вин. и род.

Если смотрѣть на дѣло такъ, то становится понятнымъ, почему въ славянскихъ языкахъ *мене, тебе, себе*, эти сложные первоначальные родительно-винительные падежи употребляются, какъ винительные въ случаѣ особенной выразительности.

Эти первоначальные родительно-винительные возвратнаго и личныхъ мѣстоименій служили, мнѣ кажется, зародышемъ употребленія родительнаго вмѣсто винительнаго въ именахъ мужскаго рода, означающихъ одушевленные существа. Такъ какъ въ славянскихъ языкахъ, кромѣ *мене, тебе, себе*, существовали формы съ функціей одного винительнаго *ма, та, са*, то формы *мене, тебе, себе* мало-по-малу стали все болѣе терять функцію винительнаго; въ чутьѣ языка функція родительнаго стала брать верхъ, такъ что эти формы наконецъ представлялись чутью языка только родительными. Когда глаголы переходные сочинялись съ этими формами, то чутью языка казалось, будто глаголы сочи-

1) Обыкновенные литовскіе родительные *manès, tavès, savès* образованы изъ обыкновенныхъ винительныхъ *manè, tavè, savè*. Leskien: Die Declination стр. 146. Зубати (Archiv für slav. Phil. XV, 513) сопоставляетъ русскія формы *меня, тебя, себя* съ литовскими *manès, tavès, savès*; но Ягичъ (521) справедливо отвергаетъ это толкованіе. Въ русскомъ языкѣ рѣдкое окончаніе формы родительнаго падежа въ этихъ словахъ приравнялось обыкновенному окончанію: *меня, тебя, себя* вм. *мене, тебе, себе* (Брандтъ, Сравн. морфологія слав. яз. Миклошича стр. 436).

няются съ родительнымъ падежомъ. Какъ въ латышскомъ языкѣ по аналогіи мѣстоименія *wīnas* ввелось употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго въ названіяхъ женскихъ лицъ, точно такъ же въ славянскихъ языкахъ аналогіи мѣстоименій **МЕНЕ, ТЕБЕ, СЕБЕ** слѣдовали мѣстоименія **ЮГО, ТОГО, СЕГО, КОГО** и названія мужескихъ лицъ. Аналогія могла здѣсь легко обнаружить свою силу: 1) вслѣдствіе развитія родительнаго раздѣлительнаго, 2) вслѣдствіе неудобства, которое замѣчалось въ славянскихъ языкахъ послѣ совпаденія формы винительнаго и именительнаго. Въ особенности языкъ долженъ былъ чувствовать потребность отличить формою дополненіе отъ подлежащаго въ мѣстоименіи вопросительномъ, потому что это дополненіе всегда ставится на первомъ мѣстѣ предложенія, вслѣдствіе чего нельзя было отличать этого дополненія отъ подлежащаго даже и словорасположеніемъ. Принявъ это во вниманіе, мы поймемъ, почему уже въ древнеславянскомъ языкѣ винительный мѣстоименія вопросительнаго всегда замѣняется родительнымъ **КОГО**, между тѣмъ какъ винительные мѣстоименія **И, СЯ, ТЯ** отстаиваютъ свои права.

Употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго ограничивалось первоначально единственнымъ числомъ во-первыхъ потому, что только въ единственномъ числѣ мѣстоименія **МЕНЕ, ТЕБЕ, СЕБЕ** издревле служили винительными и родительными, между тѣмъ какъ во множественномъ числѣ винительные **НЫ, ВЫ** отличались формою отъ родительныхъ **НАСЯ, ВАСЯ**, во-вторыхъ потому, что только въ единственномъ числѣ винительный мужескаго рода совпалъ съ именительнымъ. Какъ въ латышскомъ языкѣ силѣ аналогіи мѣстоименія *wīnas* подчиняются главнымъ образомъ имена собственныя, такъ и въ древнеславянскомъ языкѣ, по Миклошичу (IV, 496) родительный замѣняетъ собою винительный чаще всего въ именахъ собственныхъ. Почему имена собственныя особенно подвергаются вліянію мѣстоименій личныхъ? Потому вѣроятно, что имена собственныя находятся въ болѣе близкомъ отношеніи къ мѣстоименіямъ личнымъ, чѣмъ

другія существительныя, что видно въ особенности въ языкѣ дѣтей, которыя вмѣсто мѣстоименій употребляютъ имена собственныя, даже вмѣсто мѣстоименія перваго лица. Сверхъ того именамъ собственнымъ приходится чаще, чѣмъ другимъ существительнымъ, служить приложеніемъ къ мѣстоименіямъ личнымъ, а въ такомъ случаѣ въ особенности мѣстоименія личные могли обнаружить свое вліяніе на имена существительныя, означающія лицо: *es wiń(a)s satiku, Marij(a)s*, я встрѣтилъ ее (собств. ея), Марью (собств. Марья); сравните **погрѣзти тебе, стѣпа вѣрнаго**. Миклошичъ IV, 496.

По отношенію къ существительнымъ мужескаго рода съ окончаніемъ *a* и *я*, напр. слуга, аналогія не нашла того благоприятнаго условія, сходства именительнаго и винительнаго, которое въ другихъ существительныхъ мужескаго рода не мало способствовало развитію ея силы; поэтому въ этихъ существительныхъ употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго не могло укорениться. Въ древнеславянскомъ языкѣ, правда, встрѣчаются начатки употребленія родительнаго вмѣсто винительнаго и въ этихъ существительныхъ, напр. **аште владыкы подражали бждѣмъ** *sup.* 281, 2. Миклошичъ IV, 497. Даже въ существительныхъ мужескаго, женскаго и средняго рода, означающихъ неодушевленные предметы, родительный является въ древнеславянскомъ языкѣ замѣстителемъ винительнаго. Миклошичъ IV, 497. Однакожъ примѣры такого рода довольно рѣдки. Въ нихъ мы должны видѣть неувѣнчавшееся успѣхомъ стремленіе аналогіи расширить свои первоначальныя предѣлы.

Однакожъ въ существительныхъ отъ основъ на согласныя и на *-zi* женскаго рода, означающихъ и одушевленные и неодушевленные предметы, винительный замѣняется въ древнеславянскомъ языкѣ родительнымъ такъ часто, что эти родительные въ грамматикѣ древнеславянскаго языка называются обыкновенно винительными: род. вин. **матере, дѣштере, свекръке, цръкѣе, мовѣе** (камене) и др. Нѣкоторые ученые, Шлейхеръ (*Compendium* § 249), Миклошичъ (*Сравнительн. морфол.* стр. 4) и даже

Бругманъ (Grundriss I, 189, 527) видѣли въ этихъ формахъ настоящіе винительные, при чемъ Бругманъ возводил ихъ окончаніе -є къ индоевропейскому -m. Однакожъ это толкованіе встрѣчаетъ непреодолимая звуковыя затрудненія; поэтому Лескинъ (Die Declination im Slavisch-Lit. und Germ. стр. 62), Шольвинъ (Archiv für slav. Phil. II, 523), а также и Бругманъ (Grundriss II, 546, 550, 552), отказавшійся отъ своего прежняго предположенія, справедливо принимаютъ эти формы за родительные, замѣняющіе собою винительные. Но какъ объяснить эту замѣну винительнаго родительнымъ? Лескинъ, Шольвинъ и Бругманъ пытаются объяснить ее указаніемъ на синтаксисъ славянскихъ языковъ, допускающій употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго. Вотъ что пишетъ напр. Шольвинъ: «Если, хотя не часто, встрѣчается, что въ единственномъ числѣ въ именахъ существительныхъ женскаго рода, родительный заступаетъ мѣсто винительнаго, то, почему не быть такой замѣнѣ и въ существительныхъ какъ матер-, дѣштер-? Если кромѣ того въ существительныхъ мужскаго рода, означающихъ неодушевленные предметы, винительный замѣняется родительнымъ, если напр. можно сказать съходити на ада (Sup. 350, 15), отчего тогда не быть родительнымъ и такой формѣ, какъ црѣкъке, напр. въ предложеніи идѣмъ въ црѣкъке (Sup. 166, 22)?»

Однакожъ такимъ указаніемъ ученыхъ на синтаксисъ древнеславянскаго языка мы не можемъ удовольствоваться. Ибо возникаетъ вопросъ, почему въ существительныхъ женскаго рода отъ основъ на согласныя и на -ы сравнительно часто встрѣчается замѣна винительнаго родительнымъ, между тѣмъ какъ въ существительныхъ женскаго рода отъ другихъ основъ она составляетъ крайнюю рѣдкость. Почему напр. родительные сестры, жены не являются, какъ матери, дѣштере, свекрѣе и др., замѣстителями винительныхъ? По Лескину (62) въ Остромировомъ Евангеліи встрѣчается винительный падежъ существительнаго мати 11 разъ, изъ нихъ 8 разъ въ формѣ матери, а 3 раза въ формѣ матерь.

Шольвинъ, разсмотрѣвъ подробно Зографское, Аѳонское, Ассеманіево, Охридское Евангелія, Саввину книгу, Клоціеву и Супрасльскую рукописи и другіе памятники, приводитъ всѣ тѣ формы отъ основъ на согласныя и на **-ы**, которыя въ изслѣдованныхъ имъ источникахъ имѣютъ функцію винительнаго падежа. Въ источникахъ Шольвина винительный отъ основъ на **-и** никогда не сходенъ съ родительнымъ, напр. вин. **камень**, **камы**, а не **камене**; винительный отъ основъ на **-р** представляетъ 45 разъ окончаніе **-ерь** (**матерь**, **дъштерь**), а 15 разъ онъ подобенъ родительному, но винительный отъ основъ на **-ы** въ 33 примѣрахъ имѣетъ окончаніе **-ъкъ**, а въ 52 примѣрахъ сходенъ съ родительнымъ: **свекръке**, **смокъке**, **любъке**, **цръкъке**. Такимъ образомъ въ разсмотрѣнныхъ Шольвиномъ источникахъ основы на **-ы** въ особенности часто замѣняютъ винительный родительнымъ. **цръкъке** въ источникахъ Шольвина имѣетъ 39 разъ функцію винительнаго; часто этотъ родительный находится въ зависимости отъ предлога **въ**: **въ цръкъке**. Развѣ мы можемъ поэтому, обсуждая столь частую замѣну винительнаго родительнымъ въ этихъ существительныхъ, ссылаться на такую рѣдкость, какъ **съходити на ада**?

Такъ какъ существительныя съ другими основами женскаго рода весьма рѣдко замѣняютъ винительный родительнымъ, то мы должны стараться отыскать въ существительныхъ съ основами на согласныя и на **-ы** особенность, на основаніи которой намъ станетъ понятною частая замѣна въ нихъ винительнаго родительнымъ. Эта особенность по моему убѣжденію заключается въ родительномъ падежѣ, въ окончаніи **-е**. Вслѣдствіе того, что существительныя съ основами на согласныя и на **-ы** въ родительномъ падежѣ ед. ч. оканчиваются на **-е** такъ же, какъ мѣстоименія личныя и возвратное **мене**, **тебе**, **себе**, эти существительныя слились въ чутѣ языка съ упомянутыми мѣстоименіями. Въ виду того, что родительные этихъ мѣстоименій издревле имѣли функцію и родительнаго и винительнаго, языкъ эту двоякую функцію перенесъ и на существительныя съ осно-

вами на согласныя и на -ы: дѣштерѣ, матерѣ, свекрѣе и др. То обстоятельство, что только такимъ путемъ можно объяснить частую замѣну винительнаго родительнымъ въ существительныхъ съ основами на согласныя и на -ы, служить, мнѣ кажется, сильною опорою моему предположенію относительно того, что родительно-винительные мѣстоименій мене, тебе, себе побудили славянскіе языки къ замѣнѣ винительнаго падежа родительнымъ.

По окончаніи этихъ моихъ замѣтокъ объ употребленіи родительнаго вмѣсто винительнаго, я, благодаря любезному указанію профессора Ф. Θ. Фортунатова, узналъ, что мною упущено изъ виду весьма важное сочиненіе по разсмотрѣнному вопросу: *Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave par A. Meillet. (Bibliothèque de l'École des hautes études publiée sous auspices du ministère de l'instruction publique. Sciences philologiques et historiques. Cent-quinzième fascicule. Paris. 1897).* Познакомившись съ сочиненіемъ Меллье, я вижу къ своему удовольствію, что мое объясненіе замѣны винительнаго родительнымъ, расходясь въ подробностяхъ, сходится въ существенной части съ объясненіемъ Меллье. Чтобы наверстать пропущенное, я вкратцѣ представляю главныя черты основательнаго изслѣдованія Меллье по нашему вопросу.

Въ балтійско-славянскомъ языкѣ эмфатическій родительный — винительный возвратнаго и личныхъ мѣстоименій въ ед. ч., въ личныхъ мѣстоименіяхъ также и во множественномъ числѣ, имѣлъ одну и ту же форму: мене = лит. manè, тебе = лит. tavè, себе = лит. savè, такъ и насъ = дринд. nas, васъ = дринд. vas. Также и въ греческомъ, можетъ быть, и въ германскомъ языкѣ форма родительнаго ед. ч. возвратнаго и личныхъ мѣстоименій имѣла функцію винительнаго. Но индоиранскій языкъ отличаетъ оба эти падежа основною гласною: дринд. род. táva, вин. tvám, т. е. tva+am. Если греческій и балтійско-

славянскій языкъ смѣшивали винительный и родительный падежи, то это произошло такъ, что въ одномъ изъ этихъ языковъ установилась форма съ вокализмомъ индоиранскаго родительнаго, а въ другомъ форма съ вокализмомъ винительнаго. Чтобы объяснить противоположныя формы балтійско-славянскаго и греческаго языковъ, надо предположить вѣроятнымъ слѣдующій путь развитія:

	вин.	род.	дат.
индоевр.	*tvě	*teve	*tebh-+?
греч.	*τφε	*tvé	τφοί (=дринд. мѣстн. tve)
балт.-слав.	*teve	*teve	tebhi

Греческій языкъ устранилъ подъ вліяніемъ мѣстнаго падежа вокализмъ *tev-, а балтійско-славянскій вокализмъ tv- подъ вліяніемъ дательнаго (91). Это смѣшиваніе винительнаго и родительнаго въ греческомъ и литовскомъ языкахъ не имѣло никакихъ послѣдствій, а въ славянскомъ оно, встрѣчаясь съ благопріятными обстоятельствами, повліяло на склоненіе указательныхъ мѣстоименій и тѣмъ на дальнѣйшее развитіе языка (98).

Формы **того**, **іего**, **сего**, **кого** представляютъ по происхожденію какъ эмфатическіе винительные, такъ и мѣстно-родительные. То обстоятельство, что эти родительно-винительные употребляются лишь по отношенію къ именамъ, означающимъ лицо, объясняется тѣмъ, что они слѣдовали аналогіи личныхъ мѣстоименій (118).

Кромѣ формъ **кого**, **того**, **сего**, **іего**, которыя по своему происхожденію представляютъ родительно-винительные, встрѣчаются другіе родительно-винительные съ окончаніемъ **-ого**, напр. **оного**, **самого**, **всего** и др. Въ свою очередь эти родительно-винительные, какъ и ихъ образцы **кого**, **того**, **сего**, **іего** повліяли на имена, къ которымъ они относились и которыя они опредѣляли; такъ напр. родительно-винительный **всего** могъ повлечь за собою употребленіе родительно-винительнаго имени

существительнаго **уловѣка**: **всего уловѣка съдрава сътворихъ**. Иоан. VII, 23. Но больше всего способствовали развитію родительно-винительнаго полныя формы именъ прилагательныхъ, образованныя приложеніемъ мѣстоименія и къ окончанію именъ прилагательныхъ. Въ сложномъ склоненіи соединились окончанія именныхъ падежей съ окончаніями мѣстоименныхъ падежей, влѣдствіе чего оба эти типа склоненія могли непосредственно вліять другъ на друга: **нова—юго**.

На значеніе сложнаго склоненія при развитіи родительно-винительнаго указываютъ многія обстоятельства:

1) Родительно-винительный развился въ именахъ съ основой на **-ъ** = индоевр. **o**; въ именахъ же съ другими основами древній винительный или уцѣлѣлъ или подчинился аналогіи основъ на **-ъ** (**o**). Такъ напр. имя существительное **сынъ** — древняя основа на **-ү** (индоевр. **й**) упорно сохранило древній винительный **сынъ**. Когда же это имя существительное встрѣчается въ родительно-винительномъ, то оно не принимаетъ формы, свойственной древнимъ основамъ на **-ү** (**сыноү**), а форму, свойственную основамъ на **-ъ** (**сына**). Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что въ славянскихъ языкахъ нѣтъ больше ни одной основы имени прилагательнаго на **-ү**, влѣдствіе чего мѣстоименіе — **юго** въ сложномъ склоненіи могло только вліять на основы на **ъ(o)**, а не на древнія основы на **-ү**. Съ этимъ толкованіемъ Меллье я не могу согласиться. Если могли развиваться родительно-винительные съ окончаніемъ на **-е**, хотя нѣтъ именъ прилагательныхъ съ основой на **е**, то отсутствіе именъ прилагательныхъ съ основой на **-ү** не могло бы препятствовать развитію родительно-винительнаго съ окончаніемъ на **-ү** (**сыноү**). То обстоятельство, что родительно-винительнымъ является лишь форма **сына**, а не **сыноү**, объясняется просто тѣмъ, что имя существительное **сынъ**, въ особенности въ единственномъ числѣ, перешло въ склоненіе основъ на **-ъ** и что родительный **сыноү** въ древнеславянскомъ языкѣ вовсе не встрѣчается.

2) Имена прилагательныя сложнаго склоненія, употребля-

емья въ качествѣ именъ существительныхъ, всегда встрѣчаются въ родительно-винительномъ.

3) Наконецъ — что важнѣе всего — есть довольно много существительныхъ, которыя ставятся въ винительномъ падежѣ, когда говорится о неопредѣленномъ лицѣ, въ родительномъ же, когда рѣчь идетъ объ опредѣленномъ лицѣ, напр. рабъ «un serviteur», раба «le serviteur». (Однакожь: посѣла рабъ свой Лук. XIV, 17, Мар.). Употребленіе такихъ родительно-винительныхъ въ случаѣ опредѣленности лица соотвѣтствуетъ употребленію опредѣленныхъ или полныхъ формъ именъ прилагательныхъ и доказываетъ вліяніе сложнаго склоненія на развитіе родительно-винительнаго въ именахъ существительныхъ (138). (Но на основаніи приведенныхъ Меллье примѣровъ вся эта разница между винительнымъ рабъ и родительно-винительнымъ раба мнѣ кажется весьма сомнительной).

Кромѣ сложнаго склоненія содѣйствовали развитію силы аналогіи еще слѣдующіе моменты:

1) Совпаденіе именительнаго и винительнаго въ основахъ на *z* и свободное словорасположеніе въ славянскихъ языкахъ.

2) Существовавшее въ среднемъ родѣ индоевропейскихъ языковъ различіе именъ существительныхъ, обозначающихъ неодушевленные предметы, отъ именъ мужескаго и женскаго рода, обозначающихъ лицо.

3) Развитіе родительнаго раздѣлительнаго.

4) Колебаніе конструкціи нѣкоторыхъ глаголовъ между родительнымъ и винительнымъ.

Что касается родительно-винительныхъ матере и дштере, то ихъ повлекли за собою родительно-винительные отьца и сына, Тоже самое надо сказать и про родительно-винительный свекръке; онъ представляется подражаніемъ родительно-винительнаго свекра. Аналогіи родительно-винительнаго свекръке слѣдовали другія основы на *-ы*, напр. цръкъве.

Такъ думаетъ Меллье.

Главная разница между моею попыткою объясненія и объ-

ясненіемъ Мелле состоитъ въ томъ, что по моему мнѣнію возвратное и личныя мѣстоименія повліяли на развитіе родительно-винительнаго — непосредственно, а по мнѣнію Мелле посредственно—посредствомъ указательныхъ мѣстоименій и сложнаго склоненія. Въ пользу непосредственнаго вліянія аналогіи возвратнаго и личныхъ мѣстоименій при развитіи родительно-винительнаго въ именахъ существительныхъ, говорятъ, мнѣ кажется, родительно-винительные съ окончаніемъ на -е, дѣштерѣ, матерѣ, свекръкѣ и др. Ибо если въ самомъ дѣлѣ родительно-винительные сына, отца, свекра источники формъ дѣштерѣ, матерѣ, свекръкѣ, то на мой взглядъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности объяснить, почему родительно-винительный брата, брата не развилъ родительно-винительнаго сестры.

